

Срочный ввод! Только актеры знают, какое напряжение сил, какая огромная работа стоят за этими словами. Всего лишь сутки оставались до начала спектакля «Чти отца своего» в Иркутской драме, когда Виктору Семеновичу Ростовцеву предложили заменить актера, исполнявшего роль Максима. «Засекречен-

ный физик», старший сын семейства Кичигиных, их ум и совесть, Максим — один из центральных образов спектакля. Выучить роль, войти в характер, в контакт с другими исполнителями и все это за считанные часы — нелегкое дело. И вот на сцене появился новый Максим. Он отличался от прежнего большей собранностью, сжатой в кулак волей. Максим — один из детей Кичигиных — давно знает все, о чем так переживают другие, — он неродной сын матери, дороже которой нет у него никого на свете. Знает он и другое, чего не знают родные, — его постигла большая личная драма, связанная с опасной работой. На этом клубке чувств раскрывает Ростовцев характер Максима, его противоречивые поступки. К кульминационной сцене с матерью, к трепетному признанию «Это ты, королева» Максим Ростовцев приходит через глубокие душевные потрясения, через выплеснувшийся крик — уже успокоенный, сдержанный, с твердым решением: «В нашей работе, как на войне, надо быть готовым ко всему». Образ, полюбившийся зрителям и в прежнем исполнении, заиграл новыми красками, новыми гранями, с каждым спектаклем он все глубже и прочнее входит в актерский ансамбль. Если вы спросите артиста, как ему удалось это, он пожмет плечами:

— Как же иначе? Какой бы я был актер, если бы боялся работы?

Работа — так он называет творчество, поиск, вдохновение — все, что дает право артисту честно носить это звание, что приносит бескорыстное счастье быть художником.

Его дорога в искусство не была победным маршем с фанфарами и литаврами. Он пришел в театр крутой и нелегкой тропой и коли говорят, что талант — это невероятный труд, так именно таким талантом обладает заслуженный артист РСФСР Виктор Семенович Ростовцев.

Жизнь его сложилась так, что только в 25 лет он попал на профессиональную сцену, да и то во вспомогательный состав. Минутные выходы без слов и со словами, пример товарищей, кино и книги — вот его первая школа. Слишком запоздало начало его ученичества в искусстве — шесть военных и послевоенных лет в армии тому причиной. Но можно ли обеспечить талант актера одним только институтским дипломом? Хотя, кто знает, не больше ли любой вузовской программы «прошел» Ростовцев своими силами, прежде чем принести на сцену то, чем так покоряет его творчество, — интеллект и интеллигентность, высокую человеческую культуру, сдержанную глубину чувств, цельность и честность натуры.

Актерская природа Ростовцева такова, что он не может «представлять» своего героя, «подыскивать» для него детали, внешние черты выражения, прочерчивать линию его поступков. Он должен просто «влезть» в его шкуру, понять его отношение с другими людьми, его место в обществе — и только

ПРАВДИВЫЙ ТАЛАНТ

тогда зажить его характером, логикой его мыслей и чувств.

Так в кругозоре жителей Благовещенска появились многие яркие личности самых разных времен и характеров, которых сделал необходимым в их жизни молодой артист. Первым заметным явлением был один из двух каверинских капитанов Саня Григорьев. Зрители буквально могли рассказать, как вырос на их глазах Саня, как из стремительного порывистого парнишки он стал зрелым, мужественным, сильным и настойчивым человеком. Трогательно поднялся и героически погиб маленький боец революции Син Бин-у в «Бронепоезде 14-69». От удалой беззаботности развращенного богатством парня пришел к безмерной своей трагедии Никита во «Власти тьмы». Его остекляевший в отчаянии взгляд, найденный актером, говорил больше, чем самые эффектные мизансцены. А когда театр выехал на гастроли с инсценировкой «Угрюмки», зрители и критики Владивостока и Хабаровска поразились глубине характера Прохора Громова, показанного Ростовцевым.

Казаюсь бы, совсем иное — образ Кисельникова из «Пучины» А. Н. Островского — судьба маленького человека, бессильного стать ее хозяином. Но и его родило с Прохором нечто общее. В простодушной доверчивости Кисельникова, в его иступленном отчаянии, в неумении противостоять цинизму, грубости и жестокости находил артист пути выражения характера, воинствующе утверждал право на достоинство и счастье человека. На фестивале «Дальневосточная театральная весна» спектакль амурцев был удостоен диплома, а артист Ростовцев премирован творческой поездкой в Москву и Ленинград.

Через большие и малые роли, негладкой дорогой преодоления шел артист к такому синтезу всех поисков, который был необходим, как первая ступенька к сценическому образу Ильича. Никто не утверждал, что образ В. И. Ленина, созданный Ростовцевым в «Третьей патетической», был точной копией портретов вождя. Но когда 32-летний артист вкладывал в роль весь свой молодой темперамент, пылкость, заразительную эмоциональность — это, видимо, было как раз то, что нужно для образа Ильича в самом расцвете его 55 лет. Ленинские документы, книги, киноленты — все пошло на то, чтобы понять и попытаться передать

сущность Ленина-человека, его гигантской духовной работы. Спектакль шел два года. И каждый раз зал был полон. Но кто может сказать, что сделал все в выполнении такой колоссальной задачи? Не может сказать этого и Ростовцев. Снова и снова возвращается он к ленинскому гриму, ищет более глубокие убедительные пути выражения характера — мечта вновь прикоснуться к источнику денинской души стала потребностью жизни и творчества. Сыграет Ростовцев Ленина или нет — покажет время. Но сверять жизнь по Ленину — значит учиться, искать и находить.

Так искал Ростовцев Гамлета, созвучного современности и современникам. Непримиримость, активность, эмоциональность его Гамлета выражались не в громкой патетике, а в простых, понятных движениях человеческой души, в естественности, которая находила отклик и у сегодняшнего зрителя. «Для Гамлета-Ростовцева главное — борьба, — писал один из критиков. — Он приходит к зрителю «не мальчиком, но мужем, понимающим, видящим, решительным».

Многие герои Ростовцева приходят на сцену уже в какой-то степени «решенными» еще до начала спектакля. Тем интересней их развитие дальше. Так случилось с Мартьяновым в «Свевести» Д. Павловой на иркутской сцене. Это было первое знакомство иркутского зрителя с новым артистом. Тем более трудное, что накануне выступил другой новый исполнитель и показал очень яркого Мартьянова — человека широкой и доверчивой души, порывистого и размашистого, который многое познает в ходе своей борьбы и на наших глазах вырастает из «просто» инженера в вожака коммунистов. В. Ростовцев показал Мартьянова уже сложившимся, убежденным человеком. Это было видно из того внутреннего молчаливого сопротивления, каким он встречает испытанные «ходы» Прошина, как спокойно, сдержанно, без всяких «всплесков» ведет разговор. Но каждый новый шаг его раскрывал развитие и работу мысли, проявление удивительной душевной чистоты, обаяние убежденности, острое чувство справедливости, гармоничную цельность натуры. Как-то не замечалось, как мало действует на сцене Мартьянов в прямом смысле этого слова. Он действовал работой мысли и не вылезал свои чувства, а, наоборот, старался как можно больше сдержать их, он не «диалогизировал» поступки героя, а поступал так, как только Мартьянов в данных обстоятельствах мог поступить. Так все

стало ясно, что на сцену Иркутского театра пришел настоящий актер.

Совсем другим — размашистым, лихим командиром, способным и на смелость и на дерзость, но живущим по законам совести, увидели Ростовцева зрители Иркутска в роли капитана Громова («Люди, которых я видел» С. Смирнова). И хотя весь спектакль нельзя было плямать удачей театра, образ Громова выгодно отличался естественностью и простотой, глубокой психологической мотивировкой и умением исполнителя без каких-либо внешних приемов передать особый, не похожий ни на кого характер, какое-то свое, «ростовцевское» обаяние — мягкого, открытого, чуть насмешливого человека, способного и на неправильные поступки, но верно своему пониманию долга перед Родиной.

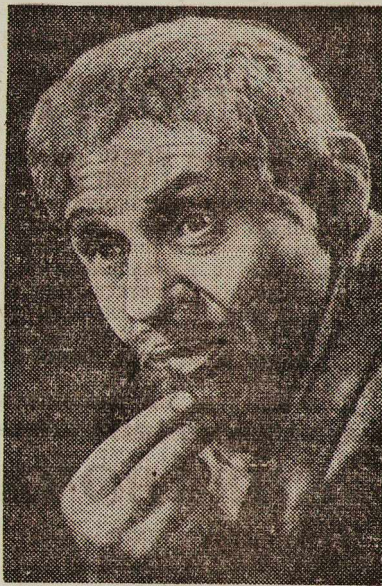
Новая встреча с Шекспиром в «Ричарде III» не была столь радостной и уверенной, как с Гамлетом. Ричард III — воплощение зла и жестокости, порожденных абсолютной властью, должен был оказаться чем-то важен и нужен современникам. Чем? Видимо, как предупреждение и пример того, чего не должно повториться. Мучительными были поиски внутреннего и внешнего проявления характера, постичь который, скажем прямо, по силам не всякому исполнителю. Ричард III В. С. Ростовцева совсем не был злодеем внешне. Его облик — облик солдата, не знающего покоя и гармонии. Это вечное беспокойство и страх — перед близкими и родными, врагами и друзьями. И чем больше делает Ричард Ростовцева для того, чтобы победить этот страх, тем больше новых поводов для страха и злодеяний. Самоубийство зло — пожалуй, иначе не назовешь тема этого Ричарда. Но если внутренняя логика образа и была такова, то Ростовцеву еще не хватало красок для внешней передачи всей глубины злодейской натуры Ричарда. Однако неудача спектакля была не только в этом. «Ричард III» был явным доказательством той истины, что там, где кончается режиссер, бесценен и очень хороший актер.

Тем не менее работа была для артиста хорошей школой, ибо есть поражения, которые стоят иной победы.

Почти три года играет В. С. Ростовцев в Иркутском театре. Беркутов в «Волках и овцах», удачный образ изобретателя Жукова в неудачном спектакле «Дело Кирилла Муромцева» плюс к тому, что мы уже назвали, — вот, пожалуй, и все, что удалось актеру сделать за это время.

А хочется сыграть многое — волнует образ Пушкина, очень дороги пьесы Горького, Розова. Но до сих пор театр не дает выхода работоспособности, таланту и жажде творчества артиста, который пришел на иркутскую сцену с жаждой постичь и успеть многое. Обидно актеру, обидно и зрителю. Первые творческие заявки В. С. Ростовцева говорят о том, что он из тех исполнителей, которые так необходимы сейчас театру, — мыслящий, сдержанный, глубокий. Интересные и значительные роли, постоянная непрерывная работа — вот что нужно сейчас артисту.

И. ДУБОВЦЕВА.

Восточно-Иркутская драма
Г. ИРКУТСК

19 ДЕНЬ 1955

НА СНИМКАХ: В. С. Ростовцев в ролях (слева сверху) — Мартьянов («Свевесть»), внизу — Кисельников («Пучина»), Ричард III.